

чиями служебним лицем юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы.

Ключевые слова: состав преступления, объект преступления, родовый объект преступления, преступления в сфере служебной деятельности и профессиональной деятельности, связанной с предоставлением публичных услуг, злоупотребление полномочиями служебным лицом юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы.

Sysoev D.O. A generic object of the crime under Article 364-1 of the Criminal Code of Ukraine

This article analyzes the generic object malfeasance in particular crime under Article 364-1 of the Criminal Code of Ukraine. Approaches scientists on these issues. Groups of approaches: 1) the time of the Russian Empire; 2) times of the USSR; 3) the time of independence of Ukraine.

Special attention is paid to the possibility of harm to two generic objects that group crimes. The first - the relationships that govern the content of the right of public authorities and local governments, their enterprises, institutions and organizations. The second - the relationships that define the content of successful operation of enterprises, institutions and organizations of private property. It turns out the content of the terms «good», «public good», «good overall consumption», etc. Performed ratio approaches and terminology in criminal law and administrative law.

It was determined that a generic object service offenses is a group of social values, the content of which is in the lawful activities of the state (public) system. This set of social values protected through the use of combined criminal law, placed in the section of the Special Part XVII of the Criminal Code of Ukraine.

Key words: corpus delicti, an object of crime, a generic object of crime, malfeasances, abusing official powers.

УДК 343.846

П.В. Хряпинский

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ

В статье рассмотрено своеобразие диспозитивного метода регулирования общественных отношений при освобождении от уголовной ответственности и наказания. Исследовано соотношение публично императивного и частного диспозитивного регулирования общественных отношений в законодательстве об уголовной ответственности.

Ключевые слова: метод правового регулирования, императивный метод, диспозитивный метод, освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Постановка проблемы. В уголовно-правовой доктрине методами правового регулирования признаются способы, средства, приемы или их совокупности, влияющие на общественные отношения с целью их созда-

ния, сохранения, трансформации или прекращения с использованием соответствующего уголовно-правового инструментария [1, с. 12; 2, с. 177]. Традиционно считается, что в уголовном праве преобладает публично-императивный метод правового регулирования. Относительно его характеристик правоотношения между субъектами выстраиваются с помощью подчинения одних другим. Публично-императивный характер уголовного права как отрасли права, имеет специфику среди других публично-правовых отраслей, которая состоит в том, что доминирующим субъектом является исключительно государство в лице соответствующих органов. Именно для государства уголовное право определяет объем властных полномочий по противодействию, предотвращению совершенных или готовящихся преступлений. В уголовно-правовых отношениях, которые складываются с момента совершения преступления, государство всегда является доминирующим и уполномоченным субъектом.

Анализ последних исследований и публикаций. С принятием в 2001 г. Уголовного кодекса Украины (далее – УКУ), где предусмотрено ряд новелл в решении уголовно-правовых конфликтов, стали говорить об очевидном использовании в уголовно-правовом регулировании диспозитивного метода [5]. Категорию «диспозитивность» чаще рассматривают в двух аспектах – как принцип права или как метод правового регулирования. «Пальма первенства» исследования диспозитивных принципов среди представителей отраслевой правовой науки принадлежит процессуалистам. Диспозитивность в виде «метода», «принципа», «проявления» в уголовно-процессуальном законодательстве исследовали А. Александров, С. Альберт, Ю. Грошевой, Л. Лобойко, В. Маляренко, Л. Масленникова, А. Рогова и другие. В уголовно-правовых исследованиях диспозитивность рассматривается как «метод», «элемент», «интерес» в работах Л. Головки, В. Грищука, П. Дагель, Т. Кленовой, В. Навроцкого, Т. Присяжнюк, А. Сумачева, П. Яни и других.

Формирование целей. Целью исследования выступают особенности метода уголовно-правового регулирования как публичного права доминирующего субъекта (государства) на применение принуждения и определение вида и меры ограничений прав и свобод другому субъекту (преступнику), индивидуализируемое судом и осуществляемое специальными органами государства.

Изложение основного материала. Императивный метод, бесспорно, является основным правовым средством воздействия на неустойчивых субъектов, побуждающее их соблюдать уголовно-правовые запреты. Функциональная направленность этого метода, прежде всего, заключается в определении, какие общественно опасные деяния являются преступлениями и какие наказания применяются к лицам, их совершившим [3, с.

30]. Существует органическая связь между предметом уголовного регулирования, в качестве которого выступают общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступления, и методом, присущим только уголовному праву. Уголовный закон, – отмечает А.Н. Яковлев, – с неизбежностью должен стремиться к тому, чтобы проводить четкую границу между преступным и непроступным, исходя из того, что юридически деяние не может быть «немножко и тем, и другим». Дихотомичность закона неизбежна: преступление есть или его нет, без этого он не может применяться, а машина правосудия погрязнет в безграничном процессе установления степеней различия [4, с. 134].

Деление права на публичное, с присущим ему императивным методом, и частное, – с доминирующим диспозитивным методом правового регулирования, иногда рассматривается как абсолютное (дихотомия, дуализм права) [6]. По нашему мнению, деления права на публичное и частное, соотношение сфер правового регулирования является контрверсионной проблемой в правоведении. Так, выделяются три теории деления права на соответственно публично-правовые и частно-правовые отрасли: 1) теория интереса выходит из направленности интересов основных правовых установлений. Если правовые установления служат общественным интересам, то речь идет о публичном праве, если право направлено на private интересы – то частное право. Такое разделение права считалось основным на протяжении многих веков; служит оно ориентиром и для большого количества юристов нашего времени; 2) теория субординации, доминирования, подчинения разграничивает публичное и частное право исходя из характера отношений между субъектами правоотношений. Отношения властного подчинения соответствуют публичному праву, а отношения равенства – частному. Именно поэтому типичными для публичного права являются односторонность, обязательность регулирования, а для частного права – соглашение, договор, хотя в последнее время и наблюдается заимствования публичным правом некоторых частноправовых институтов; 3) теория допустимости, отнесения правовых норм базируется на специфике правового статуса отдельных субъектов права. К публичному праву относятся те правовые положения, которые адресуются исключительно государству или носителям государственной власти, и, наоборот, к частному праву, – положения, что распространяются только на граждан. Каждая из вышеупомянутых теорий имеет своих сторонников, и соответственно, противников, но ни одна из них до сих пор в полной мере не реализована на практике. Таким образом, оставаясь в плену дихотомического подхода к сущности публичного и частного права, можно «открыть разве что пару банальностей, далеких от реальности, как, например, идею «кодекса частного права» или «кодекса публичного права», которых не существует ни в

одной стране. Ведь правовая реальность нелегко вмещается в рамки дихотомического деления [10, с. 24–25].

Социально-правовая эффективность, а самое главное, перспективность постановки проблемы дихотомии или дуализма права как противостояние публичного и частного права, императивного и диспозитивного методов вызывает большие сомнения. Более реальным, привлекательным выглядит сочетание в одной отрасли законодательства, скажем, уголовном, публичных и частных начал с естественным преобладанием одних над другими. В законодательстве об уголовной ответственности бесспорно приоритетным является публично-императивный характер регулирования общественных отношений [11, с. 52]. Однако, совершение преступления не единственный юридический факт, что обуславливает возникновение, изменение и прекращение уголовно-правовых отношений. Так называемое «позитивное посткриминальное поведение», в случаях прямо предусмотренных УКУ, может кардинально влиять на развитие уголовно-правовых отношений. В Особенной части УКУ предусматриваются следующие случаи освобождения от уголовной ответственности: «гражданин Украины добровольно заявит органам государственной власти о преступной связи с иностранным государством, иностранной организацией или их представителями и полученном преступном задании» (ч. 2 ст. 111 УКУ); «лицо без гражданства или иностранец добровольно заявит органам государственной власти о прекращении своей преступной деятельности, если вследствие этого и принятых мер было предотвращено причинение вреда интересам Украины» (ч. 2 ст. 114 УКУ); «руководитель предприятия, учреждения или организации выплатит заработную плату, стипендию, пенсию или другие, установленные законами выплаты гражданам, до привлечения его к уголовной ответственности» (ч. 3 ст. 175 УКУ); «лицо уплатит налоги, сборы (обязательные платежи), а также возместит ущерб причиненный государству их несвоевременной уплатой (финансовые санкции, пени) до привлечения его к уголовной ответственности» (ч. 4 ст. 212 УКУ); «лицо уплатит страховые взносы общеобязательного государственного пенсионного страхования, а также возместит ущерб, причиненный Пенсионному фонду Украины их несвоевременной уплатой (финансовые санкции, пени), до привлечения его к уголовной ответственности» (ч. 4 ст. 212-1 УКУ); «лицо добровольно сообщит правоохранительным органам о создании преступной организации или участие в ней» (ч. 2 ст. 255 УКУ); «лицо, кроме организатора и руководителя террористической группы или террористической организации, добровольно сообщит правоохранительным органам о соответствующей террористической деятельности, способствует ее прекращению или раскрытию преступлений, совершенных в связи с созданием или деятельностью такой группы или организации» (ч. 2 ст. 258-3 УКУ); «лицо добровольно выйдет из военизированных или вооруженных форми-

рований, не предусмотренных законом, и сообщит об их существовании органам государственной власти» (ч. 6 ст. 260 УКУ); «лицо добровольно сдаст органам власти оружие, боевые припасы или взрывчатые устройства» (ч. 3 ст. 263 УКУ); «лицо добровольно заявит о незаконном завладении транспортным средством правоохранительным органам, возвратит транспортное средство владельцу и полностью возместит причиненный ущерб» (ч. 4 ст. 289 УКУ); «лицо добровольно сдаст наркотические средства, психотропные вещества и укажет источник их приобретения или способствует раскрытию этих преступлений» (ч. 4 ст. 307 УКУ); «лицо добровольно обратится в лечебное учреждение и начнет лечение от наркомании» (ч. 4 ст. 309 УКУ); «лицо добровольно сдаст прекурсоры, предназначавшиеся для производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ, и укажет источник их приобретения или способствует раскрытию этих преступлений» (ч. 4 ст. 311 УКУ); «лицо добровольно сдаст ядовитые или сильнодействующие вещества, не являющиеся наркотическими или психотропными или их аналогами, или сильнодействующие лекарственные средства и укажет источник их приобретения или способствует раскрытию преступлений, связанных с их незаконным оборотом» (ч. 5 ст. 321 УКУ); «лицо, которое предложило или дало взятку, если после дачи взятки добровольно заявит о случившемся органу, наделенным правом возбуждать уголовное дело, до возбуждения уголовного против него» (ч. 3 ст. 369 УКУ), «лицо, совершившее воинское преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности с применением мер Дисциплинарного Устава вооруженных сил Украины» (ч. 4 ст. 401 УКУ).

Осуществление положительного посткриминального поведения, как основание специального освобождения от уголовной ответственности, является субъективным правом лица, совершившего преступление. С. Алексеев считал, что такое поведение соответствует одной из моделей построения правового материала, который реализуется по схеме: «субъективное право + юридические гарантии» и базируется на диспозитивном методе. Его смысл состоит в предоставлении лицу возможности самому, по своей воле определять собственное правомерное поведение, открывает простор для действий лица по своему видению, по своей воле и в своих интересах [12, с. 589]. Такой взгляд на сущность диспозитивности в праве является правильным. Диспозитивность следует рассматривать как общеправовой, универсальный метод правового регулирования, выражающийся в нормативно предусмотренной возможности выбора лицом того или иного варианта правомерного поведения по собственной воле и по своему усмотрению. Идентичное или близкое понимание диспозитивного метода регулирования уголовно-правовых отношений поддерживается многими юристами. Так, А. Сумачев отмечает, что наличие

альтернативних вариантов поведения предполагает возможность выбора, а выбор - отказ от одного и предпочтения другому варианту акта поведения. При этом отказ от определенного варианта поведения не должен влечь для субъекта права негативных правовых последствий. Последнее является своего рода гарантией возможности выбора субъектом права предусмотренного законом варианта правомерного поведения [13, с. 21].

Безусловно, диспозитивный метод регулирования общественных отношений сквозь призму инструментального подхода должен отражаться в уголовно-правовых нормах. Своеобразием анализируемых норм является следующее: 1) предусмотренный вариант правомерного поведения направлен на удовлетворение как частных интересов личности, так и публичных интересов общества и государства, 2) позитивное поведение имеет личный, добровольный характер и не может быть связано как с противодействием, так и с принуждением со стороны властного субъекта, 3) властным субъектом гарантируется безусловное и окончательное освобождение от уголовной ответственности, выступающее поощрительным правовым стимулом, 4) в случае отказа от его осуществления правовое положение лица не ухудшается. В отличие от естественно диспозитивных отраслей права (гражданского, семейного, трудового и др.), где реализация прав и выполнение обязанностей субъектов права обеспечиваются без обращения к властному субъекту в виде государства, законодательство об уголовной ответственности включает в качестве особенного признака участие властного субъекта в виде императивных норм-гарантий уголовно-правового поощрения.

В связи с изложенным, не можем согласиться с А. Сумачевым, что нельзя относить к диспозитивным нормы, предусматривающие возможность добровольного отказа от совершения преступления или деятельного раскаяния, поскольку продолжение совершения преступления при наличии возможности добровольного отказа влечет для лица уголовную ответственность, а нежелание преступника осуществить раскаяние, влечет для него негативные правовые последствия - возложение тягот и лишений, предусмотренных в уголовном наказании [14, с. 297]. На наш взгляд, правовое положение лица, совершившего преступление, и которое отказалась от осуществления позитивного посткриминального поведения в виде деятельного раскаяния не ухудшается. Оно предопределено юридическим фактом совершения преступления и обязанностью понести предусмотренные законом ограничения прав и свобод. Другое дело, что осуществление определенного комплекса положительного поведения в виде деятельного раскаяния трансформирует негативные правоотношения уголовной ответственности на позитивные правоотношения освобождения от нее. Отказ от позитивного посткриминального поведения не указан в законе как обстоятельство, отягчающее уго-

ловное наказание, и не выступает квалифицирующим (особо квалифицирующим) обстоятельством в составах конкретных преступлений.

В литературе специальные виды освобождения от уголовной ответственности обоснованно связываются как с предупреждением совершения определенных преступлений, так и преступности в целом. Специальное освобождение от уголовной ответственности согласуется с потребностями общества в борьбе с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, особенно сложными в обнаружении, раскрытии и расследовании, способствует не только предупреждению преступности, но и социальной переориентации личности [15, с. 19]. Благодаря положительному посткриминальному поведению лица раскрываются тяжкие и особо тяжкие преступления. Так, А. Дудоров считает, что освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших уклонение от налогообложения, предоставляет возможность: 1) существенно усилить работу по наполнению бюджета реальными денежными поступлениями, 2) сосредоточить усилия правоохранительных органов на тяжких налоговых преступлениях, трудоемких с точки зрения их раскрытия и расследования, где обвинению не хватает доказательств, а нарушители законодательства не признают своей вины в умышленном уклонении от уплаты налогов и сборов [16, с. 194].

Следовательно, особенностью диспозитивного метода в уголовном праве является согласованность частных и публичных интересов в разрешении уголовно-правового конфликта. Положительное посткриминальное поведение, закрепленное в нормах о специальном освобождения от уголовной ответственности, взаимовыгодно для обоих субъектов. С одной стороны, государства в виде правоохранительных и судебных органов, специально уполномоченных решать вопросы освобождения от уголовной ответственности, с другой – лица, на социально-полезное, позитивное поведение которого направлен основной «стимулирующий заряд» поощрительной нормы уголовного закона. Значительное количество норм о специальном освобождения от уголовной ответственности Особенной части УКУ стимулирует лиц, совершивших преступление, осуществить саморазоблачения, изблечить других соучастников в преступлении, активно сотрудничать с соответствующими органами в раскрытии уголовного дела и его судебном разбирательстве. Особенно это касается преступлений с высоким уровнем естественной латентности: против основ национальной безопасности, в сфере налогообложения, в сфере оборота наркотических средств, взяточничества и других преступлений.

Очевидна взаимная полезность освобождения от уголовной ответственности лица, которое добровольно сдало органам власти оружие, боевые припасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства (ч. 3 ст. 263 УК). Законодатель стремился как можно больше и в несложный

способ стимулировать лиц, незаконно владеющих оружием, боевыми припасами или взрывчатыми веществами, сдать их государственным органам без опасения быть привлеченными к уголовной ответственности. Так, с целью предупреждения преступлений МВД Украины ежегодно проводит месячники добровольной сдачи оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств. Только за октябрь 2012 г. за указанным обстоятельством освобожден от уголовной ответственности на основании ч. 3 ст. 363 УК 168 человек. Ими добровольно сдано – 2213 единиц огнестрельного оружия, 70 единиц нарезного охотничьего оружия, 1838 – гладкоствольного охотничьего оружия, 839 – газовых пистолетов, 69225 – различных боеприпасов, 34 снаряда, 21 мина и 14 гранат [17].

Своеобразием диспозитивного метода при специальном освобождении от уголовной ответственности заключается также в личном, добровольном выборе правомерного варианта решения уголовно-правового конфликта. Добровольность предполагает свободу выбора правомерного поведения в уголовном праве. Выбор позитивного посткриминального поведения всегда правомерен и имеет целью социально-полезный результат. Особенно это касается посткриминального поведения в случае совершения преступлений небольшой и средней тяжести. Закрепление этого признака в так называемых поощрительных нормах УКУ целом осуществляется тремя способами: а) прямым указанием на добровольность поведения (ст.ст. 17, 31, п. 2), п. 2-1 ч. 1 ст. 66, ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 114, ч. 2 ст. 255, ч. 2 ст. 258-3, ч. 6 ст. 260, ч. 3 ст. 263, ч. 4 ст. 289, ч. 4 ст. 307, ч. 4 ст. 309, ч. 4 ст. 311, ч. 5 ст. 321, ч. 6 ст. 369 УКУ; б) путем определения специальной цели положительного поведения (ст.ст. 36, 38, 39, 41, 42, 43 УКУ); в) устанавливается по общественно-полезной направленности действий (ст. ст. 45, 46, 47, 48, 49, п. 1) ч.1 ст. 66, 75, 81, 82, 91, 104, 105, 107, ч. 3 ст. 175, ч. 4 ст. 212 УК, ч. 4 ст. 212-1, ч. 4 ст. 401 УКУ) [18, с. 211-212]. Так, преступления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров имеют три специальных вида освобождения от уголовной ответственности, которые прямо предусматривают признак добровольности (ч.4 ст. 307, ч. 4 ст. 309, ч. 4 ст. 311 УКУ).

Выделение признака добровольности является безусловно обоснованным. О. Наден указывает что он имеет место лишь тогда, когда: во-первых, лицо имеет объективную возможность продолжать незаконное владение наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами или прекурсорами, во-вторых, лицо субъективно осознает эту возможность, в-третьих, прерывает незаконное владение названными предметами, передавая их в распоряжение компетентных органов [19, с. 145-146].

Особенность диспозитивного метода заключается в гарантировании властным субъектом освобождения от уголовной ответственности, если лицо, совершившее преступление, совершит определенный комплекс

позитивного поведения. Обеспечение уголовно-правового поощрения в виде окончательного и безусловного освобождения от уголовной ответственности является мощным правовым стимулом, побуждающим субъекта действовать в нужном направлении. В. Галкин определял уголовное поощрение как правовое средство, направленное на содействие социальной переориентации лиц, совершивших преступления, стимулирование добровольного предостережения, нейтрализации или уменьшения негативных последствий преступлений [20, с. 94]. Положительное стимулирование заключается в комплексном воздействии на личность, формирующее социально-полезное поведение, в котором диалектически сочетаются общественные и личные потребности и интересы. Уместным в этой части является обоснованное замечание В. Кудрявцева, что стимулирующее влияние права состоит в юридическом признании, обеспечении и защите правомерных поступков, полезных для общества, в их моральном и материальном поощрении [21, с. 31–32].

Выводы. В результате нашего исследования приходим к выводам, что в правовых реалиях гарантирования государством освобождения от уголовной ответственности, на наш взгляд, следует выделить материально-правовые и процессуальные аспекты. К первым относится следующее: простое и понятное предполагаемому адресату содержания положительного посткриминального поведения в соответствующей уголовно-правовой норме; нивелирование или существенное сужение так называемого «судебного усмотрения» по применению оценочных понятий и словосочетаний в виде «активного содействия раскрытию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов», отсутствие в абсолютном большинстве предписаний об освобождении от уголовной ответственности ограничений к применению», если в действиях лица нет состава другого преступления». Ко второй группе обстоятельств следует отнести процессуальный контроль за соблюдением законности при специальном освобождении от уголовной ответственности. Не касаясь сейчас специально этой многоаспектной проблемы, попутно отметим, что десятилетняя практика украинских судов освобождения от уголовной ответственности решением (постановлением или определением) по представлению следователя, согласованному с процессуальной позицией прокурора, является важнейшей правовой гарантией соблюдения законных прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве при специальном освобождении от уголовной ответственности.

Использованные источники:

1. Баулин Ю. В. О методологическом значении деления права на частное и публичное для современной уголовно-правовой доктрины / Ю. В. Баулин Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы пятой междуна-

родной научно-практической конференции 24-25 января 2008 г. – М. : Проспект, 2008. – С 11-15.

2. Наден О. В. Щодо методологічних засад розуміння кримінального права (у зв'язку з дослідженнями проблем кримінально-правового регулювання) / О. В. Наден // Вісник Академії правових наук України. – 2005. – № 4 – С.172-181.

3. Баулін Ю. В. Звільнення від кримінальної відповідальності : [монографія] / Ю. В. Баулін. – К. : Атіка, 2004. – 296 с.

4. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) : монография / [В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, С. Г. Келина и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – М. : Изд-во «Наука», 1982. – 304 с.

5. Див.: Куц В. М. Заохочення та пом'якшення примусу як засоби кримінально-правового регулювання / В. М. Куц // Актуальні проблеми боротьби із злочинністю на етапі реформування кримінального судочинства: Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції 14-15 травня 2002 р. в 2 ч. (м. Запоріжжя). – Запоріжжя : ЗЮІ МВС України. – 2002. – Ч. 1. – С. 5-9; Туляков В. О. Кримінальне право у дискурсі змін: від доктрини до реалізації / В. О. Туляков // Актуальні проблеми держави та права : Збірник наукових праць. – Вип. 54. – Одеса : Юридична література, 2010. – С. 26-36.

6. Див.: Беляневич О. Декілька нотаток про дуалізм права / О. Беляневич // Юридичний журнал. – 2004. – № 12. – С.12-14; Наден О. Структура кримінального правовідношення / О. Наден // Кримінальне право – 2005. – № 10. – С. 125-128.

7. Юлдашев О. До проблеми методологічного забезпечення приватного права / О. Юлдашев // Юридична Україна. – 2003. – № 10. – С. 39-44.

8. Коломоєць Т. О. Генезис та основні пріоритетні напрями доктринального дослідження публічного права як нормативної підстави адміністративного примусу / Т. О. Коломоєць // Підприємництво, господарство і право. – 2004. – № 9. – С. 13-16.

9. Гончарук О.В. Дихотомія права: право публічне та право приватне : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 – теорія та історія держави і права; історія політичних і правових вчень / Гончарук О.В. ; Київск. нац. ун-т імені Тараса Шевченка. – К., 2004. – 19 с.

10. Коломоєць Т. О. Адміністративний примус у публічному праві України: теорія, досвід та практика реалізації : [монографія] / Т. О. Коломоєць. – Запоріжжя : Поліграф, 2004. – 404 с.

11. Хряпінський П. В. Заохочувальні норми у кримінальному законодавстві України : [навчальний посібник] / П. В. Хряпінський. – К. : Центр учбової літератури, 2008. – 192 с.

12. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования : [монографія] / С. С. Алексеев.– М. : Статус, 1999. – 712 с.

13. Сумачев А. В. Диспозитивность в уголовном праве : дисс... докт. юрид. наук : спец. 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-

исполнительное право / Алексей Витальевич Сумачев. – Екатер. гос ун-т. – Екатеринбург, 2006. – 346 с.

14. Сумачев А. В. О диспозитивности в уголовном праве и формах ее проявления в действующем уголовном законодательстве России / А. В. Сумачев // Актуальні проблеми кримінального права, процесу та криміналістики : матеріали 2 міжнародної науково-практичної конференції 8 жовтня 2010 р. : у 2-х т. – Том 1. – Одеса : Міжн. гуман. ун-т ; ПП «Фенікс», 2010. – 392 с.

15. Хряпінський П. В. Заохочувальні норми у кримінальному законодавстві України: теоретичні, законотворчі та правозастосовні проблеми : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : спец. 12.00.08 – кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право / Хряпінський П. В. ; Націон. юрид. акад. України імені Ярослава Мудрого. – Х., 2010. – 39 с.

16. Дудоров О. О. Злочини у сфері господарської діяльності: кримінально-правова характеристика : [монографія] / О. О. Дудоров: – К. : Юридична практика, 2003. – 924 с.

17. Добровільно здали зброю : [Електронний ресурс] // Офіційний ВЕБ – сайт Департаменту інформаційних технологій МВС України. – Режим доступу : <http://dit.mvs.gov.ua/mvs/control/dit/uk/index/>.

18. Хряпінський П. В. Заохочувальні норми у кримінальному законодавстві України : [монографія] / П. В. Хряпінський. – Х. : Харків юридичний, 2009. – 840 с.

19. Наден О. В. Спеціальні види звільнення від кримінальної відповідальності за злочини в сфері обігу наркотичних засобів, психотропних речовин, їх аналогів або прекурсорів : [монографія] / О. В. Наден. – Х. : Право, 2003. – 224 с.

20. Галкин В. М. Система поощрений в советском уголовном праве / В. М. Галкин // Советское государство и право. – 1977. – № 2. – С. 91–97.

21. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология : [монографія] / В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1982. – 287 с.

Хряпінський П.В. Особливості правового регулювання звільнення від кримінальної відповідальності та покарання

У статті розглянуто своєрідність диспозитивного методу регулювання суспільних відносин при звільненні від кримінальної відповідальності та покарання. Досліджено співвідношення публічно-імперативного та приватно-диспозитивного регулювання суспільних відносин у законодавстві про кримінальну відповідальність.

Ключові слова: метод правового регулювання, імперативний метод, диспозитивний метод, звільнення від кримінальної відповідальності та покарання.

Khriapinskiy P.V. Features of legal regulation of release from criminal liability and punishment

In article the originality of a dispositive method of regulation of the public relations at release from criminal liability and punishment is considered. The ratio of pub-

lidy imperative and private dispositive regulation of the public relations in the legislation on criminal liability is investigated. Feature of a dispositive method consists in guaranteeing by the imperious subject release from criminal liability if the person who committed a crime makes a certain complex of positive behavior. Ensuring criminal and legal encouragement in the form of final and unconditional release from criminal liability is the strong legal incentive inducing the subject to work in the necessary direction. Positive stimulations consists in complex impact on the personality, the forming social and useful behavior in which public and personal needs and interests are dialectically combined. In this part the reasonable remark of is pertinent that the stimulating influence of the right consists in legal recognition, providing and protection of the lawful acts useful to society, in their moral and material encouragement. In legal realities, guaranteeing by the state release from criminal liability, in our opinion, it is necessary to allocate material and procedural aspects.

Key words: *method of legal regulation, imperative method, dispositive method, release from criminal liability and punishment.*